

УДК 811.111

И.К.Архипов, Е.А.Макарова

СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ В ПРОИЗВОДНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

The article reveals the problem of the reflection of knowledge structures in the derivatives of the certain Old English nouns; conclusions about the overall picture of the knowledge, recorded in the derivatives, are drawn; comparison with information on the modern English is also made. The described results are obtained as a result of spreading the methods that were worked out on the basis of contemporary sources onto the old language.

В современной лингвистике большое внимание уделяется вопросам соотношения языка и сознания, поиска корреляций между когнитивными и языковыми структурами, концептуализации и категоризации мира и их реализации в языке. Язык рассматривается как средство доступа к разуму человека, к ментальным процессам, осуществляющимся в человеческом мозгу, как наиболее доступный источник для наблюдения организации концептуальной системы человека [1]. Таким образом, в центр исследований помещается человек как «концептуализатор» и «категоризатор» мира, как языковая личность.

Новый ракурс исследования получает и словообразование. Производное слово рассматривается как отражение тех связей, которые человек обнаруживает между явлениями окружающего мира. Выделяя и называя отдельный фрагмент действительности, производное слово в то же время указывает на его связь с другим предметом, с действием или признаком. Существенным при этом оказывается представление о производном слове как о понятии, формирующемся на основе суждения. Формальная расчлененность словообразовательной структуры слова соответствует содержательной расчлененности представления об обозначаемом явлении. Производные слова, таким образом, оказываются отражением объединения концептов, рефлексии пропозициональных структур, языковым выражением пропозиции в одном слове, т.е. объективацией структур мышления. Одна из специфических черт производного слова в том, что оно обладает свойством двойной референции — способностью отсылать и к действительности, и к языку. С когнитивной точки зрения такое его свойство рассматривается как «способность человека охарактеризовать новое знание через уже имеющееся, комбинировать готовые и отработанные структуры знания в целях выражения нового» [2].

Очевидно, что производные слова, образованные по одной модели, демонстрируют некие общие концептуальные составляющие. С точки зрения когнитивной парадигмы знаний, словообразовательные модели указывают на использование предыдущего опыта человека, на основании которого сходные кон-

цептуальные структуры воплощаются в одинаковых языковых формах и рассматриваются как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры.

Хотя эти идеи возникли еще в 1980-е гг., специальные работы по анализу производных слов и словообразовательных моделей конкретных языков с таких позиций только начинают появляться в последнее десятилетие [1, 3-5]. Материал древних языков до сих пор остается за рамками ономастических и когнитивных исследований. Вместе с тем было бы интересно применить методы исследования, разработанные и опробованные на современных данных, к материалу, являющемуся, пожалуй, единственным способом «заглянуть» в сознание и «понаблюдать» организацию концептуальной системы человека предшествующих эпох. Интересно, кроме того, было бы сопоставить данные анализа современного и древнего состояния языка. Представлению некоторых результатов такого исследования на материале производных конкретных существительных древнеанглийского языка и посвящена данная статья.

Обратимся сначала к результатам, описывающим структуры знания, зафиксированные в словообразовательных моделях и производных словах.

1. Структуры знаний, отраженные в словообразовательных моделях и производных словах древнеанглийского языка, в большинстве случаев могут быть представлены в виде двучленных и трехчленных пропозициональных структур. Структура рассматривается как трехчленная в тех случаях, когда производное слово фиксирует установленную языковой личностью связь двух элементов предметной понятийной области. Так, например, для производных типа *scōhere* «тот, кто делает башмаки» (от *scōh* «башмак») и *drēamere* «тот, кто играет на музыкальном инструменте» (от *drēam* «музыкальный инструмент») [6] модель N1+-(e)→N2 фиксирует трехчленные структуры AG-MAKE-RES и AG-USE-INSTR. В данном случае устанавливается связь между человеком и неодушевленным предметом (результатом либо инструментом действия).

В тех случаях, когда устанавливается связь между предметом и его процессуальным или непро-

цессуальным признаком, структура является двучленной. Так, модель $V+er(e) \rightarrow N$ при мотивирующем субъектном глаголе отражает структуру AG-PRED, например: *hlēāpere* «бегун, курьер, танцовщик» (от *hlēāpan* «прыгать, подпрыгивать, танцевать, бегать»). Отадъективная модель $A+ing/-ling \rightarrow N$ фиксирует названия лица по характеризующему непроцессуальному признаку и отражает двучленную структуру с предикатом свойства DSCR-PRED_{св.}, например: *bristling* «смелый человек; смельчак» (от *brist(e)* «смелый»), *īdeling* «безделушка, пустяк» (от *īdel* «бесполезный»). Модель $N1+ncel \rightarrow N2$ также фиксирует характеристику предмета по непроцессуальному признаку, однако, в отличие от предыдущей модели, здесь конкретизируется характеризующий признак DSCR-BE SMALL, например: *hūsincel* «маленький дом, домик» (от *hūs* «дом»), *wilincel* «молодой раб» (от *wilh* «раб»).

2. Как показало исследование, в древнеанглийском языке существовали две не отмечавшиеся в работах предшественников префиксально-конверсионные словообразовательные модели: $ge+V+конверсия \rightarrow N2$ (например: *gedrinca* «гость; тот, кто пьет с другими» от *drincan* «пить», *gefara* «спутник, товарищ; тот, кто путешествует вместе (с кем-то)» от *faran* «путешествовать, идти») и $ge+N1+конверсия \rightarrow N2$ (например: *gebedda* «тот, кто разделяет постель (с кем-то); супруга» от *bedd* «постель», *gedryhta* «товарищ, соратник» от *dryht* «войско», *gehāda* «человек того же статуса, социального уровня» от *hād* «слой общества, социальный уровень, класс», *geselda* «товарищ; тот, кто разделяет жилище» от *seld* «жилище, дом, зал»). Отметим, что ранее производные этого типа либо полностью игнорировались, либо рассматривались как префиксальные, либо объяснялись как слова, образованные при помощи префикса и основообразующего суффикса. При причислении рассматриваемых слов к префиксальным производным не учитывается регулярное изменение парадигмы. Объяснение же их как префиксально-суффиксальных образований неприемлемо в связи с отсутствием у основообразующих суффиксов словообразовательной функции, что было убедительно показано, например, Е.С.Кубряковой [7]. Кроме того, как известно, характерная для индоевропейского слова трехчастная структура — корень, основообразующий суффикс и грамматическое окончание — в германских языках упрощается; уже в готском двуморфемная структура основы подвергается разрушению. В древнеанглийском языке следов трехчастной структуры слова практически не сохранилось: «основообразующий суффикс исчез (в основах на гласные), или слился с падежной флексией (основы на -n-, -es-), или слился с корнем (основы на -r-)» [8]. Таким образом, говорить о словообразовательной роли основообразующего элемента в данном случае нельзя. Именно поэтому производные типа *gedrinca*, *gedryhta* рассматриваются как образованные префиксально-конверсионным способом.

Эти модели отражают сложные пропозиционные структуры, в которых место одного из аргументов занимает пропозиция. Так, первая модель фиксирует структуру [AG-PRED]-BE WITH-DSC, напри-

мер: *gefara* «спутник, тот, кто путешествует вместе (с кем-то)» (от *faran* «идти, путешествовать»). Отсубстантивная модель фиксирует характеристику человека по совместному нахождению в некотором месте [AG-PRED-LOC]-BE WITH-DSC (*geselda* «товарищ; тот, кто разделяет жилище» от *seld* «жилище, дом, зал»), по совместной принадлежности к социальной группе [DSCR-PRED-INC]-BE WITH-DSC (*gedryhta* «соратник» от *dryht* «войско») или по совместной связи с предметом, например, [AG-PRED-INSTR]-BE WITH-DSC (*gerēbra* «гребец, моряк» от *rōper* «весло»).

3. Словообразовательная модель не всегда отражает полную структуру знаний, стоящую за производным словом. Невыраженные элементы восстанавливаются исходя из семантики мотивирующей основы или знания о реальном мире. Так, например, знания о действии *byrdan* «вышивать — украшать (ткань) вышивкой (при помощи иглки и нитки)», наследуемые производным *byrdestre* «вышивальщица», включают знания об объекте (ткань), инструменте (игла), средстве (нитки), результате действия (узор вышивки). Однако эти элементы знания не находят экспликации в словообразовательной модели $V+estr(e) \rightarrow N$, отражающей только предикат и один актант (агенс).

То же демонстрируют префиксальные модели, характеризующие лицо по его пространственному или временному отношению к некоторому другому лицу, например: *æftercyning* «правитель-преемник» (от *cyning* «правитель»), *wiferfēohtend* «тот, кто сражается против; противник» (от *fēohtend* «тот, кто сражается; воин»). То лицо, относительно которого описывается называемый производным словом человек, подразумевается, но не находит выражения в структуре слова; пропозиция, таким образом, имеет вид DSCR-PRED_{отн.}

Фиксация только части знания в производном слове отражается и в наименованиях неодушевленных предметов по связанному с ними действию. Представление о ситуации действия естественно предполагает существование некоего источника этого действия, в первую очередь человека. Однако в производных наименованиях неодушевленных предметов источник действия остается «за кадром». Словообразовательная модель, ограничиваясь приписыванием предмету процессуального признака, «высвечивает» лишь тот «участок» действия, который включает предмет, например: RES-PRED_{действ} (*windung* «плетень» от *windan* «плести, сплести»), INSTR-PRED_{действ} (*perscel* «цеп, приспособление для молотыбы зерна» от *perscan* «молотить») и т.д.

4. Общая картина структур знания о людях характеризуется ясностью и в большинстве случаев однозначностью сопоставления словообразовательных моделей структурам знания. Общая картина структур знания о предметах неодушевленных, напротив, характеризуется нечеткостью и смазанностью, отсутствием точного сопоставления словообразовательных моделей структурам знания. Например, по одной и той же модели $V+-(e)l \rightarrow N$ могут образовываться наименования инструмента, результата, средства, объекта действия. К тому же общая картина затемняется существованием слов, обладающих такой

же словообразовательной структурой, как учитываемые слова, но не входящих в модели, например: одно название инструмента по модели $V+en \rightarrow N$ (*hlæden* «ковш» от *hladan* «черпать»), единственный пример названия объекта действия по модели $V+ung \rightarrow N$ (*scotung* «стрела, дротик» от *scotian* «стрелять») и т.д. Это наталкивает на мысль о том, что в большинстве случаев важно было лишь обозначить неодушевленный предмет; остальное определялось знаниями о его использовании человеком. Наиболее отчетливое выражение получают результат (преобладающие модели $V(\text{Part II}) \rightarrow N$ и $V+/-t/-f \rightarrow N$) и инструмент действия ($V+(-e) \rightarrow N$), что, очевидно, связано с особенностями осмысления реального мира языковой личностью.

5. Для носителя древнеанглийского языка было свойственно различать АГЕНС и АГЕНС женского пола. Для выражения последнего существовали специальные словообразовательные модели: $N1+estr(e) \rightarrow N2$ и $V+estr(e) \rightarrow N$. Кроме того, в целом характерно было осмысление только человека как агенса. Однако процесс расширения категории производителя действия за счет включения в нее инструментов и приспособлений, «самостоятельно» совершающих какие-то операции, уже начинается в рассматриваемый период. Многие исследователи полагают, что в древнеанглийском языке производные на *-er(e)* обозначали только людей, а значение неодушевленного предмета приобрели на более поздних этапах развития языка. Например, П.М.Карашук относит появление у *-er(e)* орудийного значения к ранненовоанглийскому периоду и связывает это с тем, что «с развитием техники целый ряд приспособлений, инструментов, приборов и т.п. стал выполнять ту работу, которую прежде приходилось делать человеку» [9]. Е.А.Пушкарев отмечает, что «изначально дериваты, образованные с помощью суффикса *-er*, обозначали только деятелей-лиц, но позже, начиная примерно с XVI в., появляются номинации, обозначающие прочих производителей действия и еще позже — недеятелей» [10].

Однако это не совсем так. Большинство древнеанглийских производных на *-er(e)* действительно имели значение лица-деятели, выполняющего действие, обозначаемое мотивирующей основой (модель $V+er(e) \rightarrow N$, e.g. *hlēapere* «танцовщик, бегун» от *hlēapan* «танцевать, прыгать, бегать»), или связанного по роду выполняемых действий с указанным в основе слова предметом (модель $N+er(e) \rightarrow N$, e.g. *hafecere* «сокольников» от *hafoc* «сокол»). Но исследование материала показывает, что уже в древнеанглийском языке среди 183 конкретных производных на *-er(e)* присутствуют пять неодушевленных существительных: *punere* «пестик» (от *punian* «толочь, бить»), *scēāwere* «зеркало» и «сторожевая башня» (от *scēāwian* «смотреть, наблюдать, изучать, разведывать»), *stīpere* «подпорка, колонна» (от *stīpan* «возводить, воздвигать»), *wangere* «подушка» (от *wang* «щека»), *wīser(e)* «указатель» (от *wīsian* «указывать путь, направлять»). Таким образом, нельзя говорить, что значение древнеанглийского *-er(e)* ограничивалось только указанием на лицо. Необходимо, впрочем, сделать некоторые замечания относительно указанных неодушевленных существительных:

1) *scēāwere* и «зеркало», и «сторожевая башня» и *stīpere* «подпорка, колонна» представляют собой глоссы, переводящие латинские слова и встречающиеся только в списках слов определенной тематики, что затрудняет анализ, поскольку они могли быть окказиональными кальками соответствующих латинских слов, а не отражать реально существующую модель древнеанглийского языка;

2) только у *scēāwere* есть как значение лица («наблюдатель» и «шпион»), так и значение неодушевленного предмета («зеркало» и «сторожевая башня»), т. е. только в одном случае можно предполагать действия механизма метафорического переноса;

3) *punere* и *wīser(e)* называют только неодушевленных производителей действия и не имеют значений лица-производителя соответствующего действия;

4) количество производных на *-er(e)* со значением неодушевленного предмета незначительно: менее 3%.

Итак, необходимо признать, что в древнеанглийском языке производные на *-er(e)* в основном обозначали (в отличие от *-er* современного английского языка) одушевленных производителей действия. Регулярная лексическая полисемия указанного типа в тот период, очевидно, отсутствовала, так как зарегистрировано всего одно слово, имеющее значение как лица, так и неодушевленного предмета (*scēāwere*), и даже оно вызывает некоторые сомнения, поскольку значения неодушевленного предмета представляют собой глоссы. Тем не менее, примеры неодушевленных существительных, образованных с помощью *-er(e)*, особенно не имеющих параллельных наименований лица (*punere*, *wīser(e)*), свидетельствуют о процессах изменения значения *-er(e)*, приведших к современному системному значению *-er* «дискретная сущность».

Интересно, что подобный процесс расширения номинативных возможностей затронул и близкий по значению русский суффикс *-тель*, оформившийся до XVII в. только имена существительные, обозначающие производителя действия. Позже производные с этим суффиксом стали обозначать и неодушевленные предметы [11].

Сравнение результатов ономастического и когнитивного анализа производных древнеанглийского языка с материалом современного языка проводится с использованием данных, полученных в работах Е.М.Поздняковой и В.И.Шадрин. Охват материала у этих авторов и в данном исследовании различается. Е.М.Позднякова исследует только категорию производителя действия, включая в нее аффиксальные, конверсионные, сложные и сложнопроизводные слова [1,3]. В.И.Шадрин исследует все производные имена с предметным значением (как одушевленные, так и неодушевленные), но ограничивается аффиксальными и сложнопроизводными словами [4,5]. Поэтому сравнение проводится только на пересечении материала.

В целом общая картина структур знаний, отраженных в словообразовательной системе древнеанглийского языка, принципиально не отличается от таковой современного английского языка. В наименованиях лица в древний и в современный период преобладают агентивные и дескриптивные наимено-

вания — как в количественном, так и в структурном отношении. Роль пациенса представлена наименьшим количеством моделей и производных. Среди неодушевленных производных наименьшим количеством и структурным разнообразием характеризуются наименования объекта.

Обращаясь к различиям, необходимо отметить, что в древнеанглийском языке отсутствовали некоторые модели, существующие в современном языке. Так, категория производителя действия не включала модели со значением «сторонник теории, политического движения», например: N1+*-ist*→N2 (*protectionist* «протекционист»), N1+*-ite*→N2 (*Trotskyite* «троцкист»), N1+*(*ar*)*ian*→N2 (*nothingarian* «человек, не верящий ни во что»), A+*-ist*→N (*leftist* «левак»), что свидетельствует об отсутствии структуры знания типа AG—SUPPORT—OBJ и указывает на возникшую потребность в детализации представления о деятеле. Не включала эта категория и характеристику лица по месту действия AG—ACT—PLACE (*miner* «шахтер») и по времени действия AG—ACT—TIME (*full-timer* «рабочий, занятый полную рабочую неделю»).

В то же время древнеанглийский язык располагал исчезнувшими в последующие периоды моделями. Кроме уже названного словообразовательно закреплённого различия агенса мужского и женского пола особенностью было словообразовательное различие агенса и пациенса в конверсионных моделях. В современном английском языке отглагольные производные образуются по конверсии только от основ инфинитива вне зависимости от семантики (*a sweep* «тот, кто подметает», *a suspect* «тот, кого подозревают»); в древнеанглийском имело место отделение агенсной модели — от основ инфинитива (*hunta* «тот, кто охотится») и пациенсной — от основ причастия II (*gehaeft* «тот, кого берут в плен»).

Различия, выражающиеся в исчезновении одних моделей и появлении или частичном изменении других, не затрагивают принципов осмысления и наименования одушевленных и неодушевленных предметов. Единственным существенным различием является широта категории производителя действия в современном английском языке в противоположность

ее ограниченности одушевленными существительными в древнеанглийском языке. Осмысление инструментов и механизмов как способных «самостоятельно» что-то делать намечается в древнеанглийском периоде и отражается в том числе в усилении концептуальной обобщенности суффикса *-er(e)*. Предпосылки для такого процесса, очевидно, существовали и раньше. На это указывает существование суффикса *-ing/-ling*, обладавшего максимальной сочетаемостью, для которого было нерелевантно дифференцирование одушевленности ~ неодушевленности называемого предмета, который оформлял производные разнообразных семантических групп и мог отражать на поверхностном уровне практически любой семантический падеж.

1. Позднякова Е.М. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999. 318 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.407.
3. Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. 110 с.
4. Шадрин В.И. Ономазиология производного имени в английском языке: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 144 с.
5. Шадрин В.И. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1996. 40 с.
6. Источником материала исследования послужили словари Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collection of the late J.Bosworth. L.: Oxford University Press, 1954. 1302 p.; Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. Supplement. L.: Oxford University Press, 1972. 768 p.; Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge: University Press, 1960. 432 p.
7. Кубрякова Е.С. // Вопросы языкознания. 1974. №5. С.64-76.
8. Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М. История английского языка: Учебник. Хрестоматия. Словарь. СПб.: Лань, 1998. С.100.
9. Карашук П.М. Аффиксальное словообразование в английском языке. М.: Высшая школа, 1965. С.13-14.
10. Пушкарев Е.А. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2000. С.72.
11. Воронцова В. Л. // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Т.5. М., 1954. С.5-33.